

Е Янь... это имя почему-то казалось смутно знакомым, но Цзи Цайсюэ никак не мог вспомнить, где его слышал. «Небесное провидение» было последним романом, который он прочел перед своей смертью в прошлой жизни. Более того, желая написать качественный разгромный отзыв, он перечитывал произведение несколько раз, так что сюжет врезался в память намертво. Даже спустя годы он отчетливо помнил содержание этой книги и каждый кусок абсурдного клише, который ему тогда пришлось проглотить, стиснув зубы.

Наверное, это персонаж из какой-то другой книги, которую он читал раньше.

Почти весь день он снова провел в храме Гуаньинь. Цзи Цайсюэ плохо спал ночью, и в самый полдень его вдруг разморило. Поэтому он не заметил, как в тот момент, когда солнце миновало зенит, разложенный перед Лу Ваном свиток Небесного провидения изменился. Лу Ван впитал взглядом появившиеся на свитке новые знаки, его брови приподнялись, а выражение лица заметно смягчилось. Однако, покосившись на своего ученика, который, свесив голову, пускал слюни во сне, он невольно вздохнул.

Цзи Цайсюэ проснулся от голода. Снаружи все еще сияло солнце, и он не мог понять, который час. Учитель исчез вместе со свитком. Цзи Цайсюэ обежал весь храм, и сердце его ушло в пятки: неужели пока он дремал, пророчество со свитка уже успело сбыться?

Цикады стрекотали монотонно, казалось, ничего необычного не произошло.

В храме не было ни следа борьбы, и Цзи Цайсюэ немного успокоился. Он вышел под палящее солнце и побрел обратно на гору. Там он увидел, что учитель как раз выходит из двора.

— Учитель, вы... — начал он было жаловаться, но тут же осекся, заметив, что Лу Ван нагружен огромными узлами. Цзи Цайсюэ вытаращил глаза: — Вы, вы, вы... Что вы задумали?

— А что еще остается делать? Конечно, сматывать удочки, — Лу Ван говорил спокойно, даже не покраснев. — Не ждать же, пока твой старший брат придет за моей головой.

Цзи Цайсюэ лишился дара речи. Разве учитель не говорил раньше, что пророчествам на свитке нельзя верить? Значит, это было лишь утешение... Он быстро пришел в себя и встревоженно спросил:

— А как же я? Вы не берете меня с собой?

— Ты даже не знаешь, что там было написано про тебя, — фыркнул Лу Ван. — Именно из-за того, что ты тянул меня назад, у Чу Ляньвэя появился шанс. Как я могу тащить за собой такой балласт?

Цзи Цайсюэ остолбенел. Он пристально посмотрел на учителя и скривил губы:

— Что за чушь вы несете? Такое только ребенка можно обмануть.

Лу Ван рассмеялся. У него было красивое лицо, и даже густая борода, скрывавшая нижнюю часть лица, не портила его природного обаяния:

— Учишься спустя рукава, десять лет занимался, а едва достиг стадии возведения фундамента, только и думаешь, что о вкусной еде. В моих глазах ты ничем не отличаешься от несмышленого ребенка.

Лицо Цзи Цайсюэ вспыхнуло. Не успел он возразить, как Лу Ван подошел, положил руку ему на голову и, наклонившись, посмотрел в глаза:

— Путь предстоит опасный, я не возьму тебя с собой. Раса в доме хватит на три месяца, к тому времени, как он закончится, я уже должен вернуться.

Цзи Цайсюэ открыл рот. Он хотел отправиться вместе с учителем, но понимал, что его уровень совершенствования слишком низок и он станет лишь обузой. Ему оставалось лишь тихо пробормотать:

— Только не накликайте беду своими словами.

У Лу Вана был отличный слух, но он не понял, что такое накликать беду:

— Что ты сказал?

— А, я хотел спросить, что именно было написано про меня в свитке? — поспешно исправился Цзи Цайсюэ.

— Небесную тайну нельзя разглашать, — понизил голос Лу Ван. — Просто продолжай усердно совершенствоваться, и однажды все у тебя будет как пожелаешь.

Как пожелаю... Что именно пожелаю?

Цзи Цайсюэ хотел спросить еще, но Лу Ван уже выпрямился, закинул на плечи мешки и зашагал вниз по горной тропе, на ходу махнув рукой. Внезапное расставание ошеломило Цзи Цайсюэ. Он провожал взглядом удаляющуюся фигуру и заметил свиток, заткнутый за пояс учителя.

Маленькая хижина показалась пустой. Цзи Цайсюэ постоял у входа, а затем вернулся во двор. Две курицы, петух и курица, не понимали человеческих драм и по-прежнему кудахтали как ни в чем не бывало.

Цзи Цайсюэ с серьезным видом посмотрел на птиц, размышляя, не зарезать ли петуха, чтобы сварить ароматный суп и хоть немного утешить свое разбитое сердце. В конце концов, совесть взяла верх, и он решил оставить курице пару.

Эх, даже у кур есть пара.

Следующий месяц Цзи Цайсюэ посвятил усердному совершенствованию, укрепляя свою стадию возведения фундамента. Для его возраста это был выдающийся результат, но в глазах учителя — сущий пустяк. Укрепив границы, он не стремился к прорыву: когда учителя нет рядом, риск отклонения от пути слишком велик, да и вознесение его не особо привлекало. Лучше быть первым на деревне, чем последним в городе.

Однако тихие дни прервал проливной дождь.

Летом дожди — обычное дело. Но этот лил не переставая несколько дней. На третье утро, проснувшись от шума воды, Цзи Цайсюэ почувствовал недоброе.

Так и до селевых потоков недалеко.

Хижина не выдержала бы такого напора, поэтому еще в первый день он перебрался в храм Бодхисаттвы. Но храм стоял в низине, и если сойдет сель, это древнее наследие долго не продержится.

Взяв сухой паек на несколько дней, он решил бежать вниз, когда дождь немного стих. Но размытую тропу было не узнать. Когда он почти добрался до подножия, его настиг поток воды. Его унесло в ручей, и лишь чудом он спасся, намертво вцепившись в дерево на берегу.

Беда, да еще какая!

Он привязал себя к дереву и провел так всю ночь. На следующий день наконец выглянуло солнце. Он был весь в грязи, вода в ручье бурлила, и ему пришлось, преодолевая отвращение, искать дорогу обратно на гору.

Интересно, выжили ли те две курицы? Знал бы — лучше бы съел их раньше.

Все-таки он был практиком: обычный человек после такого уже не встал бы, а он чувствовал лишь слабость в руках и ногах, но сохранял силы, чтобы осмотреться.

Оказалось, он застрял между двумя горами. Горная речушка из-за ливней разлилась, но под палящим солнцем вода немного отступила. Он стоял на отмели, а в горе справа зияла узкая расщелина, темная и мрачная. Подойдя ближе, он услышал шум воды. Внутри было слишком темно, солнечный свет туда не проникал, а источника огня у него не было, поэтому он решил не входить.

Он уже собирался уходить, как вдруг споткнулся обо что-то и едва не растянулся в грязи.

Посмотрев вниз, он затаил дыхание. Наклонившись, он вытащил из грязи предмет, и его челюсть едва не встретилась с землей.

Это был свиток Небесного провидения!

Причем... расколотый надвое.

Края разлома были ровными, словно его не рвали, а разрубили. Иероглифы на свитке были заляпаны грязью и потускнели. Брови Цзи Цайсюэ сошлись на переносице, дыхание участилось. Этот свиток был сокровищем небес, смертный не мог его повредить. Даже в мире совершенствующихся никто не мог справиться с этим артефактом. В оригинале книги четко говорилось, что свиток — это судьбоносное оружие Гуань Чжигэ, и никто, кроме него, не мог его уничтожить...

Гуань Чжигэ... он жив? И он здесь, в мире людей?

А где же учитель? Свиток был у него. Если свиток превратился в мусор, то куда делся Лу Ван?

Раз Гуань Чжигэ уничтожил свиток, значит, это произошло уже после того, как он убил Чан Аня. К тому времени Гуань Чжигэ должен был полностью измениться, обезуметь. Кто знает, мог ли он в припадке ярости убить и учителя? Но учитель ушел больше месяца назад, почему он оказался у подножия горы? Неужели он случайно выронил свиток, когда спускался?

Или, может, они случайно столкнулись, когда учитель возвращался?

Различные догадки теснились в голове Цзи Цайсюэ. Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Нужно найти хотя бы тело. Похоже, в эту расщелину придется войти.

Дождь стих. Раздались шаги по мокрой земле, смешивая грязь с травой и цветами.

Несмотря на скользкую тропу, идущий ступал уверенно. На нем была шляпа из пальмовых листьев и черная одежда, на подоле которой виднелись темные пятна, похожие на кровь.

Шаги затихли. Он слегка поднял голову, обнажив лицо, прекрасное, как нефрит. Но в его глазах, которые должны были быть полны нежности, теперь застыл холод, а в чертах лица читалась лишь жажда убийства, что совершенно не вязалось с его утонченной внешностью.

Перед ним лежали руины храма.

Он осмотрел обломки, но ничего не нашел, и снова направился вверх по горе.

Вскоре после его ухода голова статуи Гуаньинь, лежавшая в грязи, вдруг излучила мягкий свет, а затем, вместе со всей разбитой статуей, бесследно исчезла.

<http://bllate.org/book/18928/1852090>